

Общение на границе культуры

А.Л. Казин, доктор философских наук

Доклад А.И. Неклессы, названный им «Мир индиго», — в высшей степени актуальное философско-культурологическое и социологическое исследование, которое читается, вместе с тем, как захватывающий футурологический роман. Сам автор в тексте называет его «страшилкой», и по-своему он прав, хотя «реализм действительной жизни» (выражение Мити Карамазова) еще страшнее, чем это удалось показать автору. Мир индиго — это взорванный во всех отношениях мир, «разбегающаяся галактика» смыслов и сил, модус перехода к нижним иерархиям бытия. Реальный центр власти западной цивилизации примерно за две тысячи лет христианской эры проделал большой нисходящий (центробежный) путь от сакрального ядра личной и общественной практики к ее технико-экономической периферии. В иерархии социально-политических отношений это нисхождение выглядит следующим образом: теократия — церковно освященная монархия — дворянская аристократия — буржуазная демократия — охлократия — нетократия (от англ. net — «сеть», сетевые структуры, сотовое «постобщество»). Медленно, но верно северо-атлантическая «демократия» движется к новому рабовладению, осуществляемому, правда, уже не столько мечом (хотя и он при нужде идет в дело), сколько с помощью виртуальной симуляции желаний, выдаваемой за нечто реальное: искусственные потребности, «дутые» деньги, тотальная политическая демагогия. «Железные дороги — чтобы ездить куда? Телеграф — чтобы передавать что?» — спрашивал в свое время Лев Толстой. Интересно, что бы он сказал, посмотрев современное телевидение или интернет? Нынешний Запад фактически находится в плену своих агрессивных — по отношению к божьему миру — технологий. Это гигантская пиррова побе-

да прометеевско-фаустовского модерна, отвергнувшего христианские ценности под раскаты торжествующего вольтеровского хохота. Американизированный глобальный Фауст получит в XXI в. своего Мефистофеля — но уже не вальяжного господина, как в величественном сочинении И.В. Гете, а звероподобную биоэлектронную бестию, в которой будет смоделирован весь грех, накопленный за годы модерна и постмодерна «золотым миллиардом». Запад вошел сегодня в гедонистическую фазу своей истории, воспроизводящую «обратный ход» духовной эволюции Европы: католичество — протестантство (в союзе с секуляризованным иудаизмом) — либерализм (точнее либертарианство) — неоязычество — inferнальность. Все это предвещает в обозримом будущем геокультурную катастрофу (гностическую «культуру смерти», по терминологии А.И. Неклессы), опасную как для самого Запада, так и для большинства народонаселения планеты, особенно когда его норовят «демократизировать» насильно, с помощью «цветных» революций и крылатых ракет.

Я полностью разделяю также позицию А.И. Неклессы относительно России как метафизически *фронтирной* страны-цивилизации, главными действующими лицами которой являются *иночество* и *казачество* в широком смысле этих обозначений. Как заметил в свое время Н.А. Бердяев, русская история скорее случается, чем происходит, ее движение не поддается выведению из каких-то уже наличных «законов». Россия существует постольку, поскольку ее любит Бог, и покуда находятся люди, готовые за нее молиться, о ней думать и ее защищать. Иноки и воины (люди-носители высоких духовных энергий) были и есть в России во всех слоях общества. Важно понять, как сохранить *русскость* в условиях мирового взрыва, и есть ли шанс вообще это сделать.

Попытаемся осмыслить эту проблематику на материале общения — между человеком, культурой и Богом.

Общение есть дар, посылаемый по любви, «просто так», «ни за что». Здесь обнаруживается главная духовная проблема общения — различие духов, ибо и звезда от звезды различается в славе. Указанное различие началось уже в раю, где прародители наши, еще свободные от «риз кожаных», общались с каждой птицей и цветком, с любым атомом мироздания — только плодов дерева познания добра и зла не велено было трогать им. Райская жизнь и есть «производство самой формы общения» на уровне всевозможности — потому-то Адам (земля) и Ева (жизнь) давали *первоимена* (имена собственные) тварям лесным и полевым, «были наги и не стыдились» /Быт. 2:25/.

Райский праздник бытия — это соборное общение в истине, где всякая тварь есть маленькая звезда, «субстанциональный деятель» по Н.О. Лосскому: монада, окна которой (глаза и уши, руки и язык) открыты навстречу любой живой душе, служащей с ней непрерывную литургию («общее дело» по-гречески). Существовал для этого и свой райский язык (*lingua adamica*), где не было смыслового зазора между означающим и означаемым — человек, почти как Бог, «мыслил вещами».

Грехопадение, как событие сакрального порога, стало переходом от общения к коммуникации, от имени — к знаку. По неисповедимому промыслу Божию, вслед за хитрым змеем и по собственной воле люди отведали плод знания (различения) — всевозможность Абсолюта ушла в молчание, предоставив твари относительность правды и кривды. Вместо Слова понадобились слова — имена не собственные, а нарицательные, более скрывающие, чем проясняющие суть вещей. Частичность слов положила начало коротким (объектным) мыслям — изреченная мысль стала онтологической ложью. Родилось то, что в XX в. назвали «фаллоцентризмом»; мыслесловие человеческое агрессивно бросается на

предмет, как насильник на объект своего желания — и в результате получает лишь тень самого себя, призрачное удвоение собственной отчужденной сущности («симулякр»). Впрочем, это не мешает людям то и дело обожествлять собственный грешный разум...

Классическим примером познавательного парадокса служит античность — это любимое дитя язычества. Свободнорожденные греки в VI–IV вв. до Р.Х. словно вернулись в рай: они имели свой маленький «наглядный» полис и досуг, позволявший им философски гулять по саду (перипатетики), искать с фонарем человека (Диоген), даже принимать яд за истину (Сократ). Единственное, чего у них не было, так это самой Истины. Догадавшись, что вечность похожа на ребенка, играющего в шашки (Гераклит), они не могли с вечностью *общаться* — для этого у человека нет собственных сил. Их олимпийцы — это танцующий хоровод без центра; здесь царят бессмертный смех богов и смертолюбие мудрецов. Такова же знаменитая греческая трагедия, собиравшая в театре население целого города: даже собравшись вместе и выпив вина, эти дети-мудрецы не в силах были прорваться к корням бытия, плотно запеленатым богооставленностью. Величайший античный мыслитель Платон дошел до любви к идеям — это была воистину трагическая эротика, как и его государство с делением людей на касты, которое он позаимствовал у Востока...

Только неисповедимая жертва Спасителя дала людям надежду на восстановление в Слове и тишине. Сын Божий принес твари царский дар Евхаристии — общение с Собой и друг с другом через святую кровь и плоть. Он дал возможность последнему из людей назвать Себя — Ты, что и не снилось никому из мыслителей-монологистов древности. Христианство было — и остается до сих пор — для иудеев соблазном, для эллинов безумием именно потому, что первый здесь открывается последнему, а последний первому, и что все вместе — суть дети одного Отца, любящего их даже с риском

ответной нелюбви твари («творцу вернуть билет»). Христианский космос под сводом храма — это изначальный диалог любящего с любимым, где созидающие энергии пронизывают собой самые «защищенные» эгоцентрические углы межсубъектной коммуникации. Христианство, в отличие от всех других религиозно-мистических и культурно-исторических путей Востока и Запада, есть *усыновление* твари: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Ин. 11:25).

Конечно, с коммуникативной точки зрения Христос явил людям не мир, но меч. Если в сверхтварном божественном свете (тождественном слепящей тьме) мистические полюсы бытия не выявлены просто потому, что нет еще самого бытия, то в сотворенном (явленном) мире энергия сущего поддерживается именно противоположением верха и низа, правого и левого. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я ничто» (1. Кор. 13:1) — такова фундаментальная основа христианского общения, резюмированная первой строкой первого псалма: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых».

Несмотря на обилие экзистенциальных задач, связанных с этой заповедью, центральной метафизической темой христианской Церкви и христианской культуры Европы с первых веков нашей эры становится выбор «заслуженного собеседника» — в лице святых мучеников и угодников, апостолов. Богородицы, наконец, самого Христа. «Я с вами во все дни до скончания века» /Мтф. 28:20/ — с таким обетованием Спаситель покинул своих учеников.

К сожалению, средневековая католическая Европа не сумела в полной мере воспользоваться предоставленными ей коммуникативными дарами. Западная Церковь слишком многое унаследовала от Рима, с его языческим *ratio*, с его холодным официальным законом. Общение между католиками — как по вертикали, так и по горизонтали — оказалось построенным по строго определенному канону. Одна-

ко определить — значит определить. Догматы о Filiogue, о непогрешимости папы, инквизиция, индульгенции, иезуитство — это ограничения литургии именно как общего дела, где свобода в любви и вере важнее различий в статусе. Выразительным архитектурным символом подобной рационально-юридической версии богообщения является готический шпиль, устремленная вверх доминанта которого как бы фиксирует Первоначало в качестве внешнего объекта — это в прямом смысле слова потусторонний (безлюбый) способ встречи «Я» человека с «Он» Бога, своего рода возврат в Ветхий завет...

Итак, латинский извод христианского Слова-молчания с самого начала встретился с необходимостью духовно-смысловой, церковной и культурной сборки (соединения) первоначально разделенного — истины и лжи мира сего. Католичество — это общение с Богом через посредника-человека, и это коммуникация с человеком посредством принципа рассудочной субординации. Первая великая католическая книга «О граде Божьем» бл. Августина есть апология почти манихейского дуализма, где град земной во всех отношениях противостоит граду Небесному. Тотальность-целостность тварного воссоздается в римско-католической традиции за счет *управления* землей с высоты неба: общение как управление — вот кредо Рима.

Однако действие в дуальном мире равно противодействию. Мистическая логика Запада исторически мгновенно дает радикальный ответ на вызов «небесного управляющего»: приходит черед Возрождения, Реформации и Просвещения. Ответ тварной свободы на небесное управление — во всяком случае, в лице европейского гуманизма — состоял в том, что она *ушла в себя*, положив между небом и землей высокий коммуникативный порог. Пользуясь кантовским языком, позволительно сказать, что царское достоинство причастия к Истине, данное искупленной твари благодатью и кровью Христа, оказалось для новоевропейцев регулятив-

ной идеей чистого разума, а шеллинговские и гегелевские конструкции — превращенной ангелологией. Просвет бытия сузился для культурного западного человека — на этот раз из выбранной им роли космического титана он ниспал до положения метафизического интроверта. При этом он, разумеется, не переставал верить в свое высокое предназначение — и шекспировский Гамлет, мстящий окружающим за «конструктивное несовершенство» жизни, и сервантесовский Дон Кихот, воюющий с ветряными мельницами на глазах недоумевающего здравого смысла. В ренессансно-романтической Европе порвалась связь времен как несущее крепление горнего и дольного — двойственность вселенной («Он» и «Я») потребовала по меньшей мере двух хозяев существования. Решительный вывод из этого двойного мировоззренческого тупика сделал гетевский Фауст, заключив сделку с чертом — теперь во всяком случае один из хозяев мира сего ему стал лично, накоротке известен. «Мне скучно, бес» — такова, в пушкинском толковании, ведущая тема Фауста. В самом деле, какое может быть веселье в пространстве (в храме, в доме, на площади), Хозяин которого как бы постоянно отсутствует; посетитель-человек не уверен ни в чем, кроме фихтеанского самотождества («Я» есмь «Я»), а лукавый приказчик дешево — ценой души — предлагает посетителю призрак прекрасной Елены после гибели реальной Маргариты?

К середине XIX в. состояние автокоммуникации европейского духа — его «онтологическая робинзонада» — становится видна всем. Выведенный из таинства пакибытия и превращенный в частное дело (в предлог для лекции перед собранием бюргеров), Бог в буржуазную эпоху действительно выбирает себе других собеседников. Попытавшись перевести священное в доступное (в целях гарантированного им обладания), гений Запада заплатил за это профанизацией сакрального, которую Р. Генон уже в XX столетии назвал «царством количества», а М. Хайдеггер — безличным местоимением «man»

(“всемство”). Известная теория «пограничных ситуаций», выдвинутая французским и немецким экзистенциализмом, ясно показывает, что подлинного — звездного — общения духоносных тел в обезбоженном мире уже нет; вернее, есть проблески-воспоминания о нем в темных лучах заката. Более того, сама жизнь есть только бытие-к-смерти: оно в истоке своем падшее, хотя экзистенциалистской «религии без бога» не известно, с какой высоты оно упало...

Если говорить о смысловом пределе модернистской культуры (а духовными началами ее были именно Возрождение и Просвещение), то наиболее полно он представлен образом европейского богочеловека, которому не нужно и невозможно общаться с кем-либо, кроме себя самого. Модернизм — это стратегия космического нарцисса, любящего свое отражение. Элитарные концепции цивилизации, теории «башни из слоновой кости», презрение к «восстанию масс» черпают свою силу именно из запасников метафизического нарциссизма. Всматриваясь в уходящие от него «две бездны» (термин Д.С. Мережковского), модернизм находит там собственные проекции — отсюда смертельная тоска великих модернистов, от Эдгара По и Бодлера до Пруста, Бунюэля и Ингмара Бергмана. Кстати, кинематограф, изобретенный в середине модернистской эпохи, явился любимым (и последним) детищем авангарда, когда утомленной своей кабинетной мыслью Европе показалось, что бесхитростной машине под силу будет привести в соприкосновение на экране отъединенные друг от друга полюсы сущего — натуру и символ, число и хаос, даже гения и толпу. Между тем, высшего своего цветения кино достигло в Голливуде — этой столице американизированного буржуазного мифа (миллионеры-ковбой-золушки), оставив на откуп Старому Свету индивидуальные попытки повенчаться с миром как с собственным порождением. Самый грандиозный коммуникативный замысел модернизма — «демократический театр будущего» от Калькутты до Петербурга (выражение Андрея Белого) — понес на

себе родимые пятна цивилизации, очарованной самой собой и смертью уже на постхристианской территории...

Вообще, как это ни печально, история Новой Европы в духовном плане описывается как ряд смертей — смерть Бога, смерть человека, смерть автора. Коммуникативный круг сужается — в культуре победившего индивидуализма все меньше перипатетиков на философских дорожках. Соборное единство католичества (при всех оговорках относительно юридически одностороннего характера этого единства) сменяется в эпоху барокко и романтизма властвующей элитой гениев (талантов и поклонников), не допускающих в свои сады посторонних. Модернизм позднебуржуазной эпохи как будто предельно расширил рамки культурного хронотопа, включив туда потенциально всех. Но именно каждый в этой ситуации псевдообщения всех со всеми получил полное право всех и отвергнуть («сбросить с парохода современности»): ведь каждый представляет собой эго-центр вселенной...

Собственно, это и произошло в постмодернизме, явившем миру абсолютный полицентризм истин, построенный на ощущении, что Истины нет. В таком плане нынешняя постмодернистская семиодинамика странно напоминает древний восточный пантеизм, согласно которому «Ты есть Тот» («тат твам аси»), а противоположность любой истины — тоже истина. Как бы то ни было, постмодернизм как философско-культурно-художественно-этически-коммуникативная практика есть совершенный инструмент у-ничтожения (приведения к ничто) Бога и человека. В постмодернизме любой автор, язык, речь, произведение, коммуникативный жест, хэппенинг, перформанс и т. д. — звезда; но светимость бесконечного числа звезд создает ночь, в которой все кошки серы. Фуко, Деррида, Лиотар, Бодриар, Делез и другие отцы постмодерна теоретически обосновали коммуникацию без общения, смысл поверх (помимо) смыслоразличения, чтение

и письмо как операции с «телефонной книгой», абоненты которой слышат не голоса друг друга, но только собственное эхо. «Другой» в постмодернизме заменил *ближнего*, но с «другим» мы как раз не в состоянии общаться именно потому, что он другой.

Бесконечная перекодировка в иномыслие (интертекстуальность) — таково единственное реальное дело поставангарда. В духовно-онтологическом плане происходящая на наших глазах драма западной цивилизации есть духовная революция, действительно отменяющая различие между верхом и низом, правым и левым, белым и черным, мужским и женским, просветлением и наваждением, жизнью и смертью. Богом и сатаной. Согласно одному современному теоретику, в нынешней культуре «возможно, присутствует даже некий императив горизонтальности; символические структуры типа “высшее/низшее” заведомо кодированы как скомпрометировавшие себя, как не работающие, апелляция к ним расценивается как дурной вкус и обречена на поражение»²². Ради этого поражения много потрудились в свое время де Сад и Бодлер, Рембо и Бланшо, Арто и Батай, Генри Миллер и Чарльз Буковски...

Особое место в центре «свободной семиодинамики» занимает информационно-концептуальная власть, принадлежащая в конце XX в. СМИ и прежде всего — телевидению и интернету. Виртуальная реальность электроники — это жесткое дисциплинарное поле производства людской ТВ-массы, управляющее подсознанием миллионов. Гуманистические сказки о нерепрессивном (мягком) социуме давно пора бы оставить — перед лицом «бархатного» («оранжевого») диктата видеоклипа, рекламы, универсального ток-шоу на оплаченную тему. Медиакратия — не страшилка карикатурных реакционеров, а стратегическое оружие современной анонимной власти. Французский мыслитель консервативного направ-

²² Матвеева А. Пустые места: топография // Сб.: Культурология как она есть и как ей быть. СПб., 1998. С. 176.

ления Ги Дебор (впоследствии покончивший собой) назвал все это «обществом спектакля», где любая экзистенциальная драма, вплоть до геноцида и войны («война в заливе»), подается как материал для зрелища. Субъект электронного постмодерна — это телезритель (пользователь) вселенной, внимание которого функционирует по правилам massmedia; то, чего нет на экране или в мировой компьютерной паутине, того и не существует. Культура XXI в. — это культура призраков (фальшаков, «симулякров»).

С точки зрения религиозно-философской традиции, описанное состояние «информационного общества» представляет собой пародийное воспроизведение абсолютной Всевозможности пакибытия при утрате божественного субстрата последнего. «Будете как боги» (Быт. 3,51) — на эту *полуправду* хитрого змея поддалась «фаустовская» евроатлантическая технология существования, управляющая в эпоху тотальной коммуникации полом, возрастом, мыслями, сексом, «ласковой смертью» (эвтаназией)...

К счастью, неверующих людей не существует; не верующие в Бога верят в гибель. Такова уже прижизненная цена люциферианского нарциссизма cogito, заменяющего сущности отношениями и очарованного симуляционной игрой с собственными двойниками. Отказ от подъемного усилия в мире означает утверждение себя на ровной бескачественной плоскости (экране) призрачного бытия, обреченного на тупое механическое исчезновение. «Райское наслаждение баунти» исключает перспективу настоящего Рая. Компьютерная модель «грешной святости» (святости=греха) не смеется и не плачет, а подмигивает. Здесь все близко, но не укусишь, потому что призраки не отбрасывают тени. Здесь нет Другого, потому что нет и Себя — ад есть невозможность любить.

Задумываясь о будущем подобного существования, лишнего самости, можно предположить следующее. Во-первых, весьма вероятно перспектива жесткого тоталитаризма («нового мирового порядка»), растущего именно на всеоб-

щей относительности горизонтальных «пустых мест» слишком человеческого жизненного пространства. Старомодное «дурновкусие» различения верха/низа может быть окончательно блокировано Мировым Рынком, идеально встроившим ТВ-массы в психотронную социально-компьютерную систему. Во-вторых, возможна подлинная контринициация Европы, предсказанная такими мыслителями, как О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет, Ю. Эвола — тотальное духовное раскрытие «мирового яйца» снизу для беспрепятственного воздействия на него инфернальных сил. Это последовательный путь «левой руки» — практической социокультурной магии, которым идут, в частности, многие деятели евро-американской рок-культуры: «Лед Зеппелин», «Роллинг Стоунз», Дэвид Боуи, Стинг... Путь этот отмечен психоделической революцией, наркотиками, гомозотизмом, СПИДом: самодостаточный человек-звезда как бы охлопывается, превращаясь в черную дыру. Восполнение рационально-юридического мировидения языческого Рима в XX в. происходит радикально: упраздняется сама возможность общения при свете дня.

Быть звездой по существу означает быть ангелом, которому доверена почетная служба — освещать и обогревать творение, поддерживая в нем усилие божественного тепла. Звезда с звездой говорит — это не оккультный выход в астрал, и не запятая строка популярного романса, а самая настоящая духовно-онтологическая реальность неиспорченного бытия, где все общаются со всеми: волк с ягненком, лев с волком и змеей /Исаия. 65;25/. Только рационализированному некрофилу Вселенная кажется холодным чудовищем или идеальным часовым механизмом. На самом деле не только солнышко заботится о Земле, не отпуская ее далеко от себя, но и Земля светится в его лучах торжественно и чудно. Сиянье голубое вокруг нее — это тварная София, и создана она именно для того, чтобы принять в себя нетварный Фаворский свет. Таково истинное общение, которое есть чудо — тем более чудесное, что для него не надо нарушать никаких законов; они уже

А.Л. Казин. Общение на границе культуры

исполнены в Вечности. Это утаено от мудрых и разумных, но открыто младенцам /Лк. 10:21/. В пьесе И. Бродского «Мрамор» говорится, что верить в Бога — такая же простота, как и не верить в него. В этих словах веет гордыня твари, играющей в слова с Абсолютом. Неразличение бытия и небытия, правого и левого — привилегия Начала, которое выше того и другого и у которого все свое. Человеку же, как его тварному подобию, даны «меч и разделение», чтобы отличить свет от тьмы и тем восстановить число ангелов, уменьшившееся после отпадения сына погибели.